

Новый мученик за Христа воин Евгений

Annotation

Книга повествует о подвиге 18-летнего воина-пограничника Евгения Родионова, принявшего мученическую кончину от рук чеченских бандитов за отказ снять с себя крест. Подвиг Евгения и других русских солдат, просиявший в наше, казалось бы, бездуховное время, вновь и вновь свидетельствует о несокрушимости русского народа, о его преданности извечным духовным идеалам, и является примером, нравственным образцом для каждого христианина.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси АЛЕКСИЯ II

*** * ***

Новый мученик за Христа воин Евгений

Москва, «Новая Книга» — 64 с.

Печатается по заказу храма Святителя Николая, что в Пыжах

ISBN 5-7850-1868-1

Лицензия ЛР № 063930 от 09.03.95

Формат 84x108 $1/_{32}$ Усл. печ. л. 2. Тираж 15 000 экз. Заказ № 29522.

Подписано в печать 10.4.2000.

Отпечатана с готовых диапозитивов в ОАО типографии «Молодая Гвардия»

Москва, Сущевская ул. 21

Издательский дом «Новая Книга» 125047 Москва, 1 Тверская-Ямская, 18

Протоиерей Александр Шаргунов

Слово в день памяти новых мучеников и исповедников Российских Проповедь после Божественной Литургии 7 февраля 1999 года

В праздник новых мучеников и исповедников Российских, который совпадает в этом году с Неделей о блудном сыне, мы снова молимся о том, чтобы Господь даровал Своей Церкви благодать покаяния на той же глубине, на какой явилась праведность ее святых. И мы вспоминаем не только тех, кто принял страдания в годы коммунистических гонений, но и тех, кто пострадал за Христа в наши дни. Мы знаем имена убиенного иеромонаха Нестора, убиенного иеромонаха Василия и других Оптинских иноков, убиенного архимандрита Петра и многих других невинноубиенных православных христиан, среди которых немало священников, монахов, девиц и детей.

Сегодня я хотел бы выделить из этого сонма нового мученика и исповедника — воина Евгения, принявшего смерть за Христа 23 мая 1996 года, в праздник Вознесения Господня, в селении Бамут в Чечне. День смерти его был в день его рождения, когда ему исполнилось 19 лет. Мы слышали уже о других христианских мучениках чеченского плена — о убиенном протоиерее Анатолии, о трех юных солдатах, распятых в Великую Пятницу несколько лет назад, о других мучениках этой войны. И вот теперь — Евгений Родионов.

Маленькая заметка о нем с опозданием в два с лишним года наконец появилась в патриотическом журнале. Промелькнул сюжет в телепередаче «Русского дома» — и все. Как будто ничего особенного не случилось, и можно забыть о нем. В то время, как вся Россия должна бы увидеть, что это ее национальный герой, в то время, как это событие должно быть поставлено посередине Церкви, на свещнице, да светит всем в нашем доме.

Что же произошло? О чем рассказал матери Евгения в присутствии представителей ОБСЕ убийца его? Молодым солдатам,

захваченным в плен, сказали: «Кто хочет остаться живым, пусть снимет свой нательный крестик и назовет себя мусульманином». Когда Евгений отказался снять свой крестик, его стали жестоко избивать. Потом подвергли издевательствам и пыткам, которые продолжались в течение трех месяцев. Потом — убили, отрубив голову. Могилу его за огромные деньги указали матери сами чеченцы. Мать опознала тело сына по нательному крестику. Поразительно, что даже с мертвого они не сняли крестик — не посмели.

Что такое нательный крестик? Почему так ненавидит его сатана и делает все, чтобы никто его не носил, или носил просто как бессмысленное украшение?

Многие, наверное, слышали рассказ о юном Ленине, о том, как в детстве в приступе ярости в ответ на настойчивые приглашения пойти в церковь он выбежал из дома на снег, сорвал с себя крестик и стал топтать его. То, что произойдет потом с Россией, будет связано с этим эпизодом его биографии. Я помню, как в шестидесятые годы одна молодая женщина испытывала после принятия крещения дьявольские нападения. Ночью на нее сквозь сон навалилась такая тяжесть, что она, осознавая присутствие нечистого, не могла пошевелить рукою, чтобы перекреститься. Голос ласковый и гипнотически-повелительный сказал ей: «Сними крестик, ведь он такой маленький». Она уже было послушно потянулась к крестику, но когда коснулась его, пришла в себя, прочла «Отче наш», перекрестилась и услышала, как дьявол с тяжким стоном отошел от нее.

Другой молодой человек в те же годы рассказывал, какие искушения он пережил после крещения. Дьявол начал внушать ему, что внешнее необязательно, пусть в сердце будет вера: зачем крестик носить на шее, можно сказать, напоказ? Когда он уже был готов снять свой крестик, Господь сказал ему во сне: «Крестик — это колокольчик на шее овцы, чтобы Пастырь мог скорее услышать ее, когда она в беде». Однако и после этого в храм он продолжал ходить крайне редко. Даже на Пасху однажды, вернувшись усталым после командировки, решил не ходить и лег спать. Но среди ночи он внезапно проснулся от обжигающего грудь огня, и когда невольно схватился за то место, откуда огонь исходил, то в руке его оказался нательный крестик, который продолжал жечь руку и все тело охватывал радостным огнем. Он взглянул на часы: было ровно двенадцать. В храмах начинался

пасхальный крестный ход. Он вскочил и побежал в ближайшую церковь, и с тех пор жизнь его переменилась.

Мы не знаем, какие духовные переживания были связаны у Евгения с его нательным крестиком. Вполне возможно, что никаких особенных не было. Кроме веры, что это — Крест Христов. С Крестом Христовым в руке изображаются на иконах Христовы мученики.

А что было с теми, кто сняли свои крестики? Диавол никогда не успокоится, пока не завладеет человеком до конца. Им приказали расстреливать своих же пленных, если они хотят сохранить себе жизнь. А потом, после этого, одного из них заставили перед телекамерой отказаться от родной матери, перед всем миром сказать: «У меня нет матери, у меня есть только Аллах».

Любовь Васильевна, мать нового мученика Евгения сказала: «Что может быть тяжелее для матери, чем потеря сына! Но то, что он оказался достойным христианином, утешает меня. Если бы он отрекся от Христа, от православной веры, от России, от матери, я не могла бы это пережить».

Постараемся осмыслить подвиг нового мученика Евгения. Прежде всего, сама картина истязаний пленных многое раскрывает. Не было пытки, физической или нравственной, через которую они не прошли. Если они уступали, их опускали еще ниже. Никто не может представить все ужасы, которым они подвергались. Как рассказывал один молодой человек, переживший чеченский плен: «Вначале они заставляли меня пытать другого. А потом того, другого — меня». Только диавол может додуматься до такого. Заставить людей убивать друг друга по очереди с тем, чтобы разрушить всякую связь между людьми. Мы призваны быть едиными во Христе, а здесь — единство в диаволе. Чтобы никто не верил никому, никто не доверял никому и все боялись друг друга. Чтобы никто не сопротивлялся торжествующему злу — то, чего диавол добивается в сегодняшнем мире. Чтобы человек почувствовал, что он абсолютно один, одинок как диавол, как тот, кто в аду. Чтобы кругом была выжженная пустыня, чтобы люди не знали, куда они идут, чтобы все были охвачены смертельным страхом.

Мученический подвиг Евгения, обстоятельства его смерти заставляют задуматься, во-первых, о том, что накопление зла столь велико в мире, что нам не избежать новых гонений на Церковь. И во-

вторых, о том, как мы должны достойно подготовиться к новым испытаниям.

Кто были эти потерявшие человеческий облик чеченские убийцы и малодушно забывшие человеческое достоинство русские предатели? Если бы не «перестройка», все они были бы комсомольцами, какими в недавние годы были их отцы и деды.

Но в сегодняшнем мире зло достигает еще больших глубин. Разве вы не знаете, что через телевидение, через порнографические видеофильмы, через рок-музыку, которая предельно демонична, молодежь с детства учат, как пытать и расстреливать других людей? Для многих юношей, вскормленных на этой культуре, кажется нормальным и возможным сделать из пыток развлечение. К одному батюшке подошла в храме женщина и рассказала, что у нее четверо детей и двое из них — младших — уже связались с сатанинской сектой. Она со слезами просила батюшку помолиться за этих детей, чтобы они вернулись ко Христу. Самое поразительное, рассказывал батюшка, когда он благословил их крестом, это вызвало у них злобную ярость к нему. Как страдает мать! Дети маленькие, а сатана уже крепко держит их в своей власти.

В Неделю о блудном сыне и в день памяти новых мучеников и исповедников Российских мы призываемся воспринять подвиг мучеников наших дней как особенный призыв к молодежи, потому что молодежь, как известно, всегда полна страстей, а атмосфера вокруг сегодня губительная. Наши враги хотят погубить всех. Если человек не желает ограничивать себя в чем-либо (а этот принцип внедряется сегодня в массовое сознание во всем мире), где возьмет он силы не уступить сатане без колебаний, когда придет час испытаний?

Мы все воины Христовы. Но скорее как те воины, которые в речах смелы, но еще не нюхали по-настоящему пороха, и дело покажет, каковы они в действительности. Мы иногда, может быть, слишком легко, не задумываясь повторяем слова о том, что в годы гонения явилась не только великая слава новых мучеников Российских, но открылся позор небывалого в истории Церкви отступничества. Человек может пройти через любые пытки и через смерть и спастись. Но отречься от веры, отречься от всего, что является краеугольным камнем души, сказать, что вся моя жизнь сплошная ложь, что я не верю в Христа Бога, не люблю моих родителей, что мне наплевать на

мое Отечество и на Церковь, и остаться живым — что делать человеку после этого с его жизнью?

Чтобы стало понятнее, через какие испытания проходил Евгений (еще раз повторим, что его мучили в течение трех месяцев) и другие мученики, приведем свидетельство православного человека, прошедшего через ГУЛАГ и не выдержавшего пыток, а потом покаявшегося. «Самое трудное — не пытки, — сказал он. — Они могут начать пытать вас сегодня, а завтра еще кого-то, и у вас будет время для отдыха. Но они всегда, как бесы, внимательно наблюдают за вами, и хотят любой ценой заставить вас сказать ложь или хулу на Бога. У них нет времени бить вас каждый день с утра до вечера, но они могут заставить вас сказать что-нибудь против вашего друга или против Бога. Когда вас пытают, после часа или двух часов страданий боль начинает стихать. Но после отречения от Бога от одного сознания, что ты предал Бога, боль не прекращается. Духовная боль несравненно мучительнее телесной. Что делать человеку после этого, чтобы не сойти с ума? Только молиться. Без покаянной молитвы невозможно выжить».

Много раз, рассказывал этот человек, у него восставал ропот на Бога: «Если Ты существуешь, почему Ты позволяешь быть всему этому?» Но были моменты, когда милосердие Божие касалось его, и он мог сказать: «Господи, прости меня. Боже, помоги мне». И этого было достаточно, чтобы знать, что Бог есть и что Он не оставляет его Своей любовью. Этот человек говорил, что ему трудно вспоминать о том, что было, — не пытки, не палачей, он их простил. Но трудно простить себя, хотя он знал, что Бог никогда не напомнит ему его отступничество.

Между прочим, мать Евгения сказала, что она лично не находит в себе сил простить убийц и молиться за них после всего, что она насмотрелась, когда искала в Чечне своего сына. И только после того, как ей в руки попали известные стихи, переписанные в заточении Великой Княжной Ольгой, в ней начало что-то меняться:

…И у преддверия могилы
Вложи в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы

Молиться кротко за врагов.

Она стала просить Бога дать ей постигнуть смысл слов Царя-мученика в письме, отправленном из Тобольска Царской дочерью: «Отец просит передать всем, на кого он может иметь влияние, чтобы они не мстили за него, что зло, которое в мире, будет еще сильнее, но не зло победит, а любовь».

Самое существенное, что можно сказать о воине Евгении — он участвовал в страданиях за Христа. Они убили его, потому что он был христианином. Его подвиг — оправдание нашего пребывания в сегодняшнем аду. Все золото мира, вся ложь средств массовой информации, вся военная мощь ненавистников России стоит за войной в Чечне, за тем, что происходит сегодня с нашей Родиной. И он показал, что православная вера сильнее.

«Мученик Твой, Господи, Евгений во страдании своем прият венец нетленный от Тебе, Христа Бога нашего. Имеяй бо крепость Твою, мучителей низложи, сокруши и демонов немощныя дерзости. Того молитвами спаси души наша». Невозможно найти более точных слов, чем этот общий тропарь мученикам, который мы каждый день поем в церкви.

Значение его мученического подвига в том, что он показывает, что есть христианское достоинство и что есть человеческое достоинство в мире, где поругание Церкви доходит до показа на всю страну богохульного фильма, до публичного кощунства над иконами в центре Москвы и поругания человека в тотальном растлении детей и молодежи. Его подвиг говорит об очень важном для нашего времени — о тайне неразрывного единства целомудрия и мужества, без которого не бывает мученичества. Они били его в грудь, по спине, они отбили ему легкие и почки. Наше тело — инструмент, через который враг хочет достать нашу душу. Ему надо растлить тело, чтобы сделать душу уступчивой злу. Сластолюбцы не могут быть мучениками за Христа, а только возлюбившие чистоту, как свидетельствует жизнь Церкви от святого мученика Вонифатия до преподобномученицы Елизаветы.

Этот подвиг дает сегодня всем желающим возможность увидеть, что существует духовный мир, и что духовный мир важнее, чем

материальный. Что душа дороже всего мира. Его мученичеством как бы спадает завеса со всех событий и обнажается суть: он напоминает, что наступают испытания, когда человек не может жить по совести и правде, не может быть просто честным гражданином, воином, верным своей присяге, не может не быть предателем всех, если он не христианин.

Я знаю, человек может стать диаволом; я знаю, что и я могу стать диаволом. Поэтому я должен быть очень осторожным и внимательным к себе. Я должен наблюдать за собой, пресекать всякое, самое малейшее уклонение ко злу, потому что зло, однажды принятое и нераскаянное, неприметно разрастаясь, может заполнить всю душу. Диавол очень хитер. Христос говорит, чтобы мы были готовы отсечь свою руку или ногу, или вырвать глаз, но только не уступить диавольскому соблазну.

Наступают трудные времена для христиан. Но те, кто ищут чистоты и истины, милостью Божией обретают способность к сопротивлению. Бог сократит, сокращает эти времена, и мы дожны понять, что духовное сопротивление в сегодняшней России важнее всякого другого.

Мы должны готовиться не к пыткам, не к голоду или чему-нибудь такому. Но мы должны духовно и нравственно готовить себя к тому, чтобы сохранить душу свою и свое лицо, Божий образ в человеке, незамутненными. Мы должны доверять Богу и знать, что Он не оставит Своих. Это не слова, не просто красивые слова — это жизнь, о которой свидетельствуют тысячи новых мучеников и исповедников Российских, новый мученик Евгений и все святые мученики наших дней, и о которой призваны свидетельствовать мы. Аминь.

ЗДЕСЬ
ЛЕЖИТ
РУССКИЙ СОЛДАТ
ЕВГЕНИЙ РОДИОНОВ
ЗАЩИЩА
ВШИЙ ОТЕ
ЧЕСТВО
И НЕ ОТ
РЕКШИЙ
СЯ ОТ
ХРИСТА
КАЗНЕН
НЫЙ ПОД
БАМУ
ТОМ
23 МАЯ
1996
ГОДА

Любовь Васильевна Родионова
Рассказ матери

Биография мученика воина Евгения

Родился Женя в половине первого ночи 23 мая 1977 года. Роды не были тяжелыми. Женя был крепким, здоровеньким ребенком, рост 52 см, вес 3900. Когда я услышала его первый крик, крик о том, что «я пришел в этот мир, встречайте меня, любите меня», такой вырвался вздох облегчения, и взгляд совершенно случайно упал на окно. Была глубокая ночь, темное небо, на котором яркие крупные звезды, и в этот момент по небу вдруг начала падать звезда. Я побледнела, сердце стало маленьким, холодным и почему-то лохматым комочком. Врачи и медсестры стали убеждать меня, что это хороший знак, что, значит, у ребенка будет хорошая судьба, да и у меня тоже. Но чувство опасности, страха, напряженное ожидание чего-то не покидало меня очень долгое время. Потом как-то все забылось, и вспомнилось через девятнадцать лет.

Женя рос крепким, очень тихим ребенком. Пожалуй, единственное, что было в его характере еще с совсем маленького возраста — это его наблюдательность. Он всегда обращал внимание на то, на что никогда никто внимания не обратил бы. В год с лишним он еще не ходил, и мы как-то забеспокоились, решили его окрестить. Через месяц после этого Женя пошел, пошел твердо, уверенно, не спеша.

Я помню, как-то сразу после этого я взяла его с собой в лес, было жаркое хорошее лето. Лес у нас был рядом. Он стоял на тропинке среди высокого папоротника. Я спряталась, и думала, что сейчас он начнет меня искать, проявит какое-то беспокойство. Тишина. Потом я выглянула, и с удивлением обнаружила, что мой ребенок даже забыл, что рядом мама, — он так увлеченно разглядывал папоротник, по которому ползали разные букашечки, и с такой радостью на все это смотрел; и потом, по жизни, каждую травинку он как-то видел особенно. Мне это не дано. Я могу идти по тропинке и машинально

срывать растущую на обочине траву, листики, веточки, не замечая этого. Он никогда этого не делал, всегда говорил: «Мама, тебе руки надо завязать».

В четыре с половиной или в пять лет я обнаружила, что при всей его тихости, незаметности он обладает достаточно твердым характером. Он стоял в углу, когда приехали мои родители. И они спросили его: «Женя, почему ты в углу?» Он сказал: «Мама поставила». — «А ты попроси прощения, и она тебя выпустит». Он задумался, посмотрел внимательно на них и говорит: «А зачем оно ей?» Повернулся в угол, и снова стал стоять, то есть как бы уже проявил свой характер. Тогда это показалось упрямством, но было уже видно, что парень растет с твердым, мужским характером.

Я хорошо помню 1 сентября, когда он пошел в школу здесь, в Курилово. Мы только переехали из другой области, прошло всего три месяца, у нас ни родных здесь не было, ни знакомых, у него не было еще друзей. Была школьная линейка. Женя стоял немного растерянный, нарядный, с цветами. И когда он увидел в огромной толпе родителей, меня, я увидела, какой теплотой и радостью блеснули его глаза. Он уже перестал ощущать себя чужим, одиноким.

Учился хорошо. Первая учительница, Надежда Ивановна, изумительная женщина, таких вообще очень мало в школах, а сейчас — особенно. Она любила его, и у него к ней было какое-то особенное отношение. Даже в 8-9-м классе, приходя 1-го сентября в школу, Женя брал с собой, будучи уже взрослым, один цветок и дарил всегда именно ей, отчего другие учителя относились к нему как-то ревниво.

Лет в одиннадцать или двенадцать он вернулся с летних каникул с крестиком на шее. Я удивилась, спросила: «Женя, что это?» Он сказал: «Это крестик. Я ходил с бабушкой в церковь перед школой, так что причастился, исповедался, и это мне дали».

— Женя, сними, ты что, над тобой будут смеяться.

Промолчал, ничего не сказал, но крестика не снял. Потом со временем увидела, что цепочку заменил на веревочку. Начала как-то по-другому, строго спрашивать: «Ты что, в какое время ты живешь? Ты у кого-нибудь из своих друзей видел такое? И коль тебе уж так хочется носить этот крестик, если тебе действительно это нужно, то почему не цепочка, почему эта грубая веревка?» Он ответил просто, тихо, но достаточно твердо: «Мне так удобно, и носить я буду так».

Жили вдвоем, привыкли уважать решения друг друга, но несколько раз потом я еще придиралась к нему по поводу этой веревочки. Мне казалось, что над ним смеются друзья, смеются все, потому что он не снимал его никогда, будь то купание на речке, или в бане, или на тренировках, куда он ездил, уже занимаясь в спортивной секции, или дома. На всех фотографиях среди огромной компании друзей — крестик, причем на такой толстой веревочке, был только у него. Я не знаю, подшучивали над ним ребята или нет, это сейчас мне уже не узнать. Но он никогда его не снимал.

Учился Женя легко, все предметы давались ему без напряжения. Учился в общем-то с удовольствием, но закончил только девять классов. Сказал, что еще не определился, кем он хочет быть. Вообще-то была склонность к приготовлению пищи, любил готовить, и первые мечты были стать поваром. Твердое это было решение или еще нет, но он сказал: «После армии приду, определюсь, тогда пойду учиться». А после девятилетки пошел сразу работать на мебельную фабрику. Мебель делали. Работа нравилась. Я была не против, потому что сама-то я тоже мебельщик, и Саша, его отец, был столяром, плотником, и тоже мебельщиком, мой дед был плотником, отец — это все как бы семейное. Да и работа ему нравилась. Помимо всего прочего, он получал довольно большие деньги. Я на трех работах столько не получаю. И мы начали жить хорошо. В 1994 году мы получили двухкомнатную квартиру, и жизнь, я думала, всегда будет такой.

До армии у Жени было две професии — мебельщик (причем он мог работать и сборщиком, и обойщиком, и раскройщиком) — и еще он три месяца до военкомата учился на шофера. Он получил права на две категории. Я ничем не помогала ему: сам сдавал экзамены, сам ездил. И от этого, может быть, больше было удовлетворения, потому что в принципе он был всегда самостоятельным. С семи лет он утром вставал сам, умывался, одевался, завтракал или не завтракал, уходил в школу. Все это было без меня. Я с шести часов утра была на работе, так что рос он самостоятельным, ответственным. Мне всегда казалось, что в доме у меня достаточно взрослый, если не мужчина, то во всяком случае не ребенок, а взрослый человек.

Вот сейчас, даже вспоминая это, я не могу сказать, что он был каким-то необычным, чем-то сильно отличался от сверстников. Крестик носил? Да. В храм ездил иногда? Да. Но, так же как и все

ребята, любил музыку. Не так часто, но общался с большой компанией ребят, очень хороших ребят, занимался спортом, делал все это с удовольствием. Перед армией уже несколько раз видела его с сигаретой в руках, хотя при мне он никогда не курил, даже будучи в армии. Сказать, что он был совсем открытым? Нет, было в нем что-то такое, чего никогда до конца я не понимала. Женя любил стихи, иногда писал по поводу дня рождения, что-то с малых лет мне писал. Это были детские, не совсем складные, но всегда очень ласковые и добрые стихи.

25 июня 1995 года Женя в последний раз ушел из дома, из поселка — его взяли в армию. Идти в армию не хотелось, но долг — это все. И он, и его ребята из компании, все прекрасно понимали, что есть вещи, которые хочешь, не хочешь, а делать надо. Ни о каком увиливании от армии никогда вопрос не стоял.

Служить Женя попал в пограничные войска, чем очень гордился. В каждом письме, в каждом телефонном звонке он очень подчеркивал, что он пограничник.

10 июля у них была присяга. Они из поселка вчетвером в один день ушли в армию, и вчетвером они три месяца учились в учебке в Озерске Калининградской области. К сожалению, я не смогла поехать на присягу, но одна из мам ездила. И когда она вернулась, она сказала: «Люба, первый, кого я встретила у ворот казарм воинской части, это был Женя. Он так ждал тебя». Я до сих пор жалею, что не нашла тогда возможности поехать: не увидела, как мой сын в парадной форме впервые произносил клятву на верность Отечеству, на верность воинскому долгу.

В сентябре, взяв отпуск, я поехала к нему. Его к тому времени уже перевели в Лесное, где он проходил спецподготовку. Три месяца учебки, три месяца спецподготовки, а потом всех из этой воинской части отправляли в «горячие точки»: в Таджикистан, в Дагестан, Ингушетию. Вроде бы никого в Чечню конкретно не отправляли, и Женю в том числе, но во всех этих точках шла война.

Когда я приехала в часть, командир встретил меня неприветливо. Он сказал: «Вот еще одна мамаша приехала с требованием, чтобы ее сына не посылали в горячую точку». Я сразу остановила этот его разговор и сказала, что я еще не говорила с сыном и будет так, как решит он, потому что он с малых лет в нашем доме был единственным

мужчиной, и если он примет такое решение, я буду его уважать, каким бы оно ни было. Начальник изменил свое отношение, даже помог мне добраться до полевого учебного центра, где Женя находился. Сыну дали восемь дней отпуска, но каждое утро мы должны были отмечаться. Начальник все-таки где-то в душе боялся, что я увезу его.

Мы поговорили с Женей. Он сказал: «Да, мам, из этой части всех посылают в горячие точки, и я написал уже рапорт, как и все другие». В части этой было четыреста человек, триста написали рапорты, что они согласны поехать в горячие точки. Мой сын был среди этих трехсот. И я сказала: «Женя, там идет война, ты даже не знаешь, насколько все серьезно. Там уже есть пленные, есть погибшие, и если что случится, ты ведь знаешь, мне не пережить». Он сказал: «Мама, от судьбы еще никто никогда не ушел. Я могу выйти на дорогу, и меня задавит машина. Тебе что, от этого будет легче? А плен… плен — это уже как повезет». Он так и сказал. Мы с ним тогда все обговорили заранее, как будто нашими языками говорил кто-то свыше.

13 января 1996 года Женя улетел в командировку под командование Назранского погранотряда, воинская часть 2038.

Командировка была рассчитана на шесть месяцев, хотя все ребята задержались там почти на девять. Я получила только одно письмо, и то не с места, куда его направили, а с Реданта, с пограничного отряда, куда они приехали, чтобы их потом распределили. Он относился к 479-му погранотряду особого назначения, третьей мотоманевренной группе, специальность — гранатометчик. У части к нему не было абсолютно никаких претензий, он все выполнял очень добросовестно, прилежно. Из него получился хороший, ответственный солдат.

Ровно месяц Женя прослужил на заставе, и 13 февраля 1996 года он попал в плен. Женя попал в плен не один, их было четверо: Железнов Саша, Трусов Андрей, Яковлев Игорь и Женя. В плен они попали по халатности офицеров. Тех офицеров, которые, приехав с ними из Калининградской области, думали, что они едут отдыхать; тех, которые прежде, чем обеспечить безопасность солдат, первым делом построили баню. Баня, конечно, очень хорошо, но первая задача должна быть — обеспечить безопасность солдат. К сожалению, ничего они не сделали, но в последующем за что-то получили награды.

Застава стояла на единственной в горах «дороге жизни», которая позволяла боевикам провозить по ней оружие, боеприпасы, пленных,

то есть, был очень ответственный участок. КРП, контрольно — регистрационный пункт, где как раз Женя и попал в плен, находился метрах в двухстах от заставы. На дороге стояла будка без света, без связи, без какой-либо огневой поддержки.

После того, как Женю взяли в плен, все изменилось. Будку отодвинули немножко вглубь от дороги, подальше, выкопали по окопчику возле нее, наверху на будке поставили пулемет, а рядом — БТР для огневой поддержки. Почему надо было потерять четырех солдат, чтобы поступить именно так, как надо было поступить с самого первого дня? Если у командиров не было ни ума, ни сердца, ни какой-то ответственности за судьбу солдат, то хотя бы посмотрели, как укреплены были другие заставы. Я проехала по всем заставам — да там целые укрепрайоны были, там были блиндажи, бревна, мешки с песком… Все почему-то понимали, какой это ответственный участок, кроме, к сожалению, калининградской группы.

Страшно было и то, что, чтобы как-то уйти от ответственности за судьбу солдат, дали мне телеграмму домой, что мой сын, Родионов Евгений Александрович, самовольно оставил часть и что они просят принять меры для его возвращения. Я получила эту телеграмму 16 февраля 1996 года. Эта телеграмма на всю жизнь черной полосой отрезала меня от той светлой, пусть не совсем легкой, но нормальной жизни, которую мы прожили с сыном, потому что я знала: никогда Женя не сделает этого. Было страшно, что на него такое могли подумать. Женю все знали как верного, принципиального человека. И вдруг, получив такую телеграмму, я уехала туда, а здесь, дома, по подвалам, по даче стали лазить милиционеры — искать дезертира.

Когда я приехала в часть, передо мной извинились и сказали, что в суматохе не разобрались сразу, погорячились. На самом деле там все было настолько очевидно, что даже спустя две недели после этого происшествия снегом не до конца засыпало пятно крови на дороге. Видны были там следы борьбы — что не как цыплят их покидали в машину. Как потом рассказывал наблюдающий, он видел, как в три часа подъехала к блокпосту «скорая помощь», он даже слышал крик: «Помогите!» После этого — тишина. Никого почему-то это не взволновало, почему-то не был поднят по тревоге отряд. В четыре часа утра пошли менять ребят, а когда пришли, их уже не было.

Он три с половиной месяца находился в плену. Я знаю, он ждал, он надеялся, что его не оставят, его просто не могут оставить, что его освободят и что все это кончится, только он оказался никому не нужен. К сожалению, и не он один. Плен испокон веков считался самым страшным, что может случиться с человеком. Плен — это неволя, это издевательства. Жизнь показала, что чеченский плен — это самое страшное, самое нечеловеческое, изуверское, что вообще может быть на свете.

Дай Бог, чтобы у всех матерей со своими сыновьями были такие отношения, как у меня с сыном. Но даже при всем при том хорошем до конца я не знала своего сына. Ведь что такое армия? Это когда человек из дома уезжает в совершенно незнакомое место, где нет ни родных, ни близких, где пока еще и нет друзей. Но зато там есть напряженность вечная: одеться за две секунды, пробежать за какое-то время, поесть тоже по времени, то есть это такой сумасшедший ритм, в который сразу после гражданки очень трудно вписаться. И среди всей этой суматохи, среди этой всей напряженной обстановки, тем не менее Женя писал мне из армии очень нежные трогательные стихи. Он писал мне:

С днем рожденья тебя поздравляю,
Моя милая, нежная мать.
Ты меня извини, дорогая,
Что тебя не могу я обнять.

Я тебе много счастья желаю,
Чтобы много ты лет прожила,
Чтоб всегда ты была молодая
И всегда чтоб со мною была.

Поздравляю тебя, моя мама,
Я словами, от чистой души
Много счастья желаю, здоровья
Ты сто лет для меня проживи.

И еще тебе, мама, желаю,
Чтобы старость тебя не брала,
Чтоб всегда ты была молодая
И всегда чтоб со мною была.

Сколько глубины, теплоты, ласки, тоски по дому в этих коротеньких солдатских стихах, но это говорит о том, что у него была очень нежная душа, которую не очень-то и показывал, которую он скрывал.

И в то же время, три с половиной месяца плена, унижений, издевательств, побоев, которые он мог прекратить в любой день. Каждый день ему говорили: «Ты можешь жить. Для этого тебе надо снять крестик, принять нашу веру, стать нашим братом, и все. И все эти кошмары сразу закончатся». В неполные девятнадцать лет, рядом нет мамы, нет офицеров, нет наставников, и мальчик делает выбор. Он прекрасно понимает, что значит стать «братом» чеченского боевика. Это значит взять оружие в руки и воевать против своих, против таких же, мальчишек, как он сам. Я не знаю, хватило ли бы у меня смелости, твердости сделать такой выбор. Я тоже знаю, что такое война, я десять месяцев пробыла на войне, и знаю, что такое плен, хотя в заложниках мне пришлось пробыть всего три дня. Я не уверена, что я нашла бы в себе силы поступить так же. Не уверена.

Нашла я своего сына только через десять месяцев с огромным трудом. Мне пришлось пройти все муки, все круги ада, какие только есть на земле, какие только мог придумать человек. Видно, Господь меня водил по тем дорогам, где я ходила и не подорвалась, хотя мин там было больше, чем камней. Видно, Он меня защищал от бомбежек, не дал мне возможности погибнуть, посчитал, что мой долг, долг матери — найти сына, похоронить его в родной земле; похоронить так, как хоронили наши деды и прадеды, по христианскому обычаю, с отпеванием, с преданием земле.

Это я только сейчас все поняла, а тогда, когда ходила по военным дорогам, я только молча молилась Господу. Но молилась я не о том, чтобы Господь мне помог — я все время молилась о нем: «Господи, где бы он ни был, помоги ему, не оставляй его, ведь он совсем ребенок. Ты видишь, Господи, его предало государство. Его предали все, он никому

не нужен, кроме меня, матери, и Тебя, Творца и Спасителя. Помоги ему, не оставляй его».

Два года после похорон Жени все говорили вокруг, что он погиб за трубу нефтяную, за чьи-то деньги. От этого можно просто сойти с ума, потому что понять, как твой сын погибает за чьи-то деньги?! — разумом это просто не понять…

Я ходила в храм, я металась из одного храма в другой, но я никак не находила того, чего душа моя искала. Может быть, Господь дал мне эти два года для того, чтобы как-то глубже почувствовать это все. Наверное, Он еще раз дал мне такое страшное испытание, через это тоже надо было пройти, потому что потом, как ни странно, все начало меняться.

Только два года спустя в наш куриловский восстанавливающийся храм, когда там ставили крест, приехали журналисты из «Русского дома». Крест поставили, потом была трапеза, и во время трапезы им жители сказали: «А у нас есть такой мальчик. Мы, вроде, сейчас все ругаем молодежь, а вот есть же такие, которым не то, что позавидуешь, а просто достойны всяческого уважения». Журналисты заинтересовались, мы встретились, поговорили. Это очень глубоко верующие люди, меня поразила встреча с ними.

Я не могу сказать сейчас, что я забыла своего сына или его потерю, что как-то смирилась с ней, — нет, конечно нет, я никогда, до самой своей последней минуточки не забуду Женю. Но ушло отчаяние, ушло то ощущение, когда не хочется жить, когда чувствуешь себя, как зверек, загнанный в клетку, — со всех сторон не просто отчуждение, а отторжение. Когда ходьба по этим кабинетам административным превращает тебя в ничто, не просто в пыль, вообще в ничто. Просто душой умираешь, когда тебя никто не то что не хочет или не может понять — тебя просто вообще никто не воспринимает как человека. Ни боль твоя, ни обида никого не волнует. Думаешь: «Господи, где я живу, в какой стране я живу, среди кого я живу, почему за два года мне ни одного приличного человека в жизни не встретилось!» Правда, как он мог встретиться — я из дома не выходила, кроме кладбища, никуда. Может быть, поэтому. А в чиновничьих кабинетах, к сожалению, и раньше-то людей было мало, а уж теперь и совсем нет.

И когда приехали эти ребята, когда мы начали как-то общаться — первая встреча, вторая, третья — они мне начали рассказывать такие

вещи, которые, даже если мы читаем много книг, сразу не поймешь, а тут своими словами просто, доходчиво, понятно. И стало что-то в сознании меняться: не то, что обида уходила, а просто пришло другое понимание. Потом начали звонить люди, потом начали решаться некоторые вопросы, я и особых усилий не прилагала, чтобы их решить, мне казалось, что они неразрешимы. Все начало меняться. А самое главное, что начало меняться понимание.

Только теперь по-настоящему понимаешь, что есть «люди» и есть люди. Одни, это те, которые живут в другом государстве, они богатые, а может быть, даже не очень богатые, но сытые, равнодушные, спокойные, которых волнует только «я», свое, то, что относится к их жизни. А есть другие. Они в храмах. Есть очень много священников, которые захотели меня понять, выслушать. А что самое главное — за моего сына молятся. Нет награды выше для матери. Государство дало Жене орден Мужества, оценив его гражданский подвиг, и тут же забыло о нем, так же как и обо мне. А вот люди, простые православные люди считают своим долгом приезжать из Москвы, из Рязани только для того, чтобы помолиться, послужить панихиду по Жене.

Есть одна женщина, она под Рязанью в монастыре работает, Вера Владимировна. Она мне сказала: «Что ты переживаешь! Да, государство предало твоего сына. Но Господь Своих никогда не предает, запомни это. Сколько бы лет ни прошло, Он все равно Своих всех знает».

У Жени на могиле стоит огромный двухметровый крест, горит лампада. Крест поставлен на доброте людской: люди собрали деньги, поставили этот крест, лампадку.

Когда ставили крест, приехали священники с прихожанами, журналисты, писатели, предприниматели. Были вполне благополучные, не самые бедные люди. Меня это поразило — что нужно этим людям, зачем?! Приехать на могилу к неизвестному мальчику, который никого не спас, не подбил несколько танков или самолетов. В том понимании, к которому мы привыкли, он не был герой, он просто погиб. Он сам добровольно выбрал смерть. И вдруг эти люди приехали на могилу, поклонились кресту, и сказали, что это даже не ему нужно, Жене, а именно им нужно; что это имеет для них глубокое душевное значение.

Я просто поражена, как такие люди, с такой высоты — и вдруг на могиле моего никому не известного, тихого сына. Приезжает женщина из Череповца, в такую даль она приехала, чтобы тоже поклониться Жене, хотя у нее самой сын тоже погиб в Чечне в 1995 году. Приехал совершенно незнакомый человек из Екатеринбурга, и тоже попросил, чтобы я проводила его на могилу к Жене. На день памяти, 23 мая, было много священников на могиле сына. Я даже не ожидала. Как-то к Жене приехал поклониться ветеран Великой Отечественной войны. Он снял с себя фронтовую награду — медаль «За отвагу» и положил на могильный камень…

Вот это все перевернуло все мое сознание в жизни. От этого просто совсем другое состояние. И думаешь: «Господи, почему я думала, что в мире вообще уже нет нормальных людей!» Они есть, вот они — рядом. Они, чужие, незнакомые, я даже не знаю, как их зовут, и они меня не знают, но почему-то они откликнулись. Они, бросив все дела, едут на могилу, а ведь у каждого из них семья, свои какие-то проблемы. Вот они оценили его подвиг по-другому, не просто отдав какую-то железку, а душой восприняли. И это просто поражает.

*** * ***

От редакции: Тело Евгения было привезено матерью на Родину 20 ноября 1996 года, в день памяти мучеников Мелитинских. Они были воинами-христианами Римской армий, и за отказ отречься от Христа им отсекли головы. Один из этих тридцати трех воинов носил имя Евгений.

Летом 1999 года при налете на российскую погранзаставу был убит родной брат Хойхороева, убийцы Евгения. Он был убит на том самом месте, где прежде были захвачены Евгений и трое других солдат.

А в начале осени пришло известие о смерти самого Хойхороева. 23 августа 1999 года (ровно через три года и три месяца после смерти Евгения) он был убит вместе со своими головорезами-телохранителями в Грозном, во внутричеченской бандитской «разборке».

Он выбирает крест

Беседа корреспондента радиостанции «Радонеж» Тамары Москвичевой со священником Владимиром Переслегиным, настоятелем храма Спаса Нерукотворного села Прохорове Московской области

О. Владимир: О мученическом подвиге 19-летнего воина-пограничника Евгения Родионова из Подмосковья уже сообщал журнал «Русский дом» (№ 1, 1999 г.) и многие православные откликнулись на это исключительной важности сообщение. Были на его могиле, встретились с его матерью.

Напомним факты. В ночь с 13 на 14 февраля 1996 года тогда еще 18-летний рядовой Евгений Родионов вместе с тремя своими однополчанами, такими же необстрелянными ребятами, нес караульную службу на незащищенном открытом посту на чечено-ингушской границе. Их подразделение было переброшено сюда из Калининградской области всего за месяц до того. Применять оружие первыми было запрещено приказом, стрелять на поражение — только после предупредительного выстрела вверх. Все это в условиях чеченского беспредела.

Ребята были взяты бандитами, проезжавшими на санитарке, вооруженными до зубов чеченцами. Боевики проехали беспрепятственно еще три наших блокпоста. Начался трехмесячный плен, в течение которого им предлагали принять магометанскую веру. На Евгении, единственном из всех, был нательный крест с которым он не расставался никогда. Это вызывало особую ярость, от него требовали снять крест, то есть сознательно отречься от Христа. За окончательный и бесповоротный отказ снять с себя крест он был подвергнут мучительной казни. 23 мая 1996 года, в самый день своего рождения, в день православного праздника Вознесения Господня, Евгений был обезглавлен.

Независимой группой чеченских журналистов был снят фильм о войне. В этом фильме использованы съемки казни наших пленных

боевиками. Снимали сами чеченцы. Частично эти кадры были показаны в «Русском доме», но не все. На этих сатанинских кадрах видно, как расстреливают двух связанных ребят, а потом у третьего заживо пилой отпиливают голову. Скорее всего, такой казни подвергся Евгений. Вместе с ним за отказ принять магометанство были замучены еще трое: воины Игорь, Андрей и Александр. Евгений, за отказ снять крестильный крестик, принял особую муку.

Две недели в майскую жару тела их оставались непогребенными. Потом мать Евгения, пройдя все круги ада, заплатив огромные деньги чеченским полевым командирам, нашла могилу, и 23 октября 1996 года тела всех четверых были эксгумированы. Голову Евгения за особую плату вернули матери 6 ноября, на праздник иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Надо сказать, что вера Евгения была сознательной. Перед армией он по собственной инициативе, по свидетельству матери, исповедовался и причастился. Будучи подростком, имел благоговение к Церкви. Любил посещать храм, всегда сам приносил в дом крещенскую воду. Не будучи до конца воцерковленным, сделал свой выбор — смерть за Христа, проявив тем самым глубокую личную веру в Воскресшего из мертвых. Да и как иначе юный человек, которому предложена жизнь или смерть, может выбрать смерть, и притом мученическую, мучительную и безвестную — ведь боевики специально говорили, что они числятся в дезертирах, что от них все отреклись и никто их не найдет. Он выбрал крест и смерть. И только заключенная в кресте победа над смертью могла подвигнуть на это. Ангел-хранитель приставленный в крещении к Евгению укрепил его.

Т. М.: Отец Владимир, на каком основании мы можем говорить о мученичестве в данном случае, не дожидаясь самого момента канонизации?

О. Владимир: Три месяца пыток, побоев, издевательств, а впереди мучительная казнь за отказ переступить через себя, стать предателем, прислужником врагов — отказ снять крест в этих условиях не может быть истолкован только как проявление просто несгибаемости воли, верности отвлеченным принципам.

Евгений выбирает крест. Он выбирает крест как символ верности. Господь открыл ему силу, заключенную в этом знаке, силу Пасхи, силу победы над адом и диаволом. Он причащался, он исповедовался перед

крестом и Евангелием. И Бог открывает тому, кто так, ценою жизни и смерти, держится за Его святыню, крест, силу, сокрытую в нем, силу любви Христовой к роду человеческому. По свидетельству убийцы Евгения, полевого командира чеченца Хойхороева (продавшего матери Евгения тело мученика), он сам сделал свой выбор, у него было время подумать. Крестик Евгения был найден в могиле на его обезглавленном теле.

Страдания и смерть за Христа Евгения Родионова и пострадавших с ним поразительно напоминают страдания новомучеников, особенно — греческих и балканских, пострадавших от магометан и огнепоклонников. Так, мы можем вспомнить Иоанна Нового из Янины, Иоанна Кулика из Эпира, пострадавших в XVI веке, великомученика Иоанна Нового Сочавского, который отказался похулить веру во Христа и после страшных мук был обезглавлен, и тысячи греческих, сербских и других балканских страдальцев за веру, которых убивали только за то, что они исповедовали себя христианами. Их тоже принуждали сменить веру, их тоже убивали за одно имя «христианин» или «православный». Им тоже, как и Евгению, после пыток отрубали голову.

Само название «новомученики» пришло к нам от этих страдальцев XVI, XVII, XVIII, XIX веков и XX века. Такие страдальцы немедленно причисляются Церковью к лику святых мучеников. От них не требуется благочестивой жизни до страданий. Страдание за Христа, за имя Христово, вменяется им в праведность, так как они умерли со Христом и царствуют с Ним. Достаточно вспомнить последнего из сорока мучеников Севастийских, ничего не знавшего о Христе, но принятого вместе с остальными мучениками за решимость умереть вместе с ними.

Значение этого подвига и молитвенного почитания, которое уже открывается в нашем народе, невозможно переоценить. Мученики были и будут главной любовью Церкви, ее славой и торжеством. По отношению к нашей молодежи в прославлении мученика воина Евгения видится особая милость Божия к нашему времени. Ведь большинство новомучеников XX века умирало за дело Христово, за заповедь, за верность Его служению — например, священнослужители которые отказывались сложить с себя сан, или Царь, который не отрекся от своего царского служения и был за это расстрелян.

Богоборцы не решались в большинстве случаев требовать от священнослужителей отречения от Христа. Достаточно было не пойти на компромисс с совестью, и это воспринималось нашим воцерковленным народом как верность Христу. А теперь, когда народ расцерковлен, многие этого не понимают. Поэтому камни вопиют. Мальчик, который только начал ходить в церковь, становится учителем благочестия для очень многих теряющих мужество, теряющих подлинное христианское благородство, измалодушествовавшихся православных людей.

Видя крайнюю степень окаменения и бесчувствия большинства нашего народа, Господь, несомненно, дает людям прикоснуться к мученичеству за имя Его, как это было у древних мучеников. Это самое откровенное знамение, рассчитанное на ничего не знающих или все забывших людей. То есть страдание — подвиг не за заповедь, не за верность порученному тебе служению, а за имя Христово, чего почти не было в XX столетии.

Мы, по милости Божией, узнали об одном таком подвиге, причем тоже чудесным стечением обстоятельств — через крест (могила мученика воина Евгения находится рядом с церковью в селе Курилово, и Церковь узнала о нем, когда на этом храме ставили крест).

А таких подвигов, я уверен, было много. Троих наших ребят чеченцы распяли на телеграфных столбах перед Пасхой 1996 года. Об этом сообщали газеты. Другое дело, что эти факты не получили адекватного восприятия прежде всего среди народа Божия, в Церкви. Но сейчас, когда Господь так поворачивает историю, мы понимаем, что, возможно, придется кровь свою проливать за Православие. И эти факты получают особое звучание и особое осмысление в Церкви.

Мы прежде всего поражаемся этой верности. Мальчик, которого нельзя купить, потому что на нем крест. Он действительно тезоименит этому кресту, он действительно христианин. Такие факты составляют жизнь Церкви. Если мы на них откликнемся, то есть надежда, что предательство охватившее нас — безразличие, материализм, потребительское отношение к жизни — исчезнет.

Мне запомнились слова одной верующей женщины, когда она узнала о мученическом подвиге воина Евгения. Она сказала, что это событие красноречивее всех других фактов говорит о том, что не все потеряно в России, есть надежда. Все десять лет, так называемой,

перестройки, «реформ», растления, уничтожения всего святого в России не достигли своей цели. Потому, что этот мальчик проявил такую стойкость перед этими силами ада, что на нем это зло затупилось и оборвалось, и Христос победил.

Это мы должны крепко осознать, это должно стать примером, нравственным духовным образцом для нашей молодежи. Человек, которого не прельстить, не запугать и не купить. Человек, для которого весь мир не стоит этого символа страдания Христова и верности Господу за него пострадавших. Если у нас будет такая молодежь, если Россия обратится лицом к Небу по молитвам таких мучеников как Евгений, то Россию не победить. Россия стряхнет с себя узы предательства, материализма, сластолюбия которыми сейчас она опутана и не видит, откуда сейчас идет беда. Этот мученик сейчас молится на небе за нас, чтобы мы проснулись.

Т. М.: Отец Владимир, Вам довелось встречаться с Любовью Васильевной. Какой она человек?

О. Владимир: Самое главное впечатление, что она человек очень цельный, и второе впечатление — что она человек не сломленный. Третье очень сильное впечатление, что она человек не такой, как сейчас большинство людей. Ей доводилось слышать в свой адрес упреки. Зачем она третий год оплакивает своего сына? Почему она не возвращается на круги своя, на круги этой жизни? Не говорит о недоплате, о низкой зарплате, о том, какие страшные цены сейчас в магазинах? Почему она не принимает меркантилизм и эту суету? Что она, святая? Что она, сумасшедшая? Что, она не такая как все?! То есть в глазах мира она выглядит сейчас как юродивая — именно по причине своей правильной оценки происходящего, по причине своего здравомыслия.

Ей это здравомыслие не изменило хотя она, конечно, испытала страшные, нечеловеческие испытания, прошла в Чечне все круги ада. Десять месяцев она там побыла, разыскивая своего сына когда он был еще живым, и нашла его мертвым. Она вывезла оттуда тела всех, кто был расстрелян вместе с ее сыном. Для этого она заложила свою квартиру, заплатила доллары этим бандитам. Она видела все пружины этой войны, встречалась со всеми кто стоял у ключевых точек.

Глубокого уважения достойно то, что Любовь Васильевна сказала, что ей не нужно никаких компенсаций, никаких выплат — она ничего

не примет от тех, кто повязан кровью невинных жертв, кровью ее сына, кто развязал эту войну. Для нее нравственный критерий остался главным в этой страшной ситуации. Я уверен, что многие люди будут к ней тянуться, получать от нее духовную помощь и поддержку. В заключение еще раз подчеркну, что просиял подвиг мученика Евгения в дни всеобщего духовного опустошения, предательства и цинизма. Помолимся святому мученику воину Евгению о детях, о будущем России, о святой нашей матери-Церкви и о себе самих, чтобы не предать нам в наш час Господа, как Евгений не предал Его в свой.

Протоиерей Александр Шаргунов
Постигнуть тайну Креста Христова

Слово на панихиде в день памяти мученика воина Евгения 23 мая 1999 года

Царство Небесное, вечная память приснопамятному воину-мученику Евгению. Он пал на чеченской войне, принял мученическую кончину, но не снял с себя свой крестильный крест, не сошел с креста, жизнь свою положил на той войне, которая, как война против Сербии, война против России, сегодня уже соединяется с самой главной невидимой войной, никогда не прекращающейся на земле.

Мы терпим поражение за поражением и хуже, кажется, уже быть не может. Для того, чтобы участвовать в этой войне, мы должны прежде всего постараться увидеть нашего врага, понять, против кого мы воюем, увидеть врага и посмотреть ему в лицо. Если мы будем вести эту войну средствами, которыми она ведется людьми, не знающими Бога, то она всегда будет заканчиваться нашим поражением. Ненавистью мы никогда не победим ненависть. Если в нашем духовном сражении мы будем исполнены духа жадности, злобы и ненависти, мы, в конце концов, уничтожим самих себя.

Самое главное, чего хочет достигнуть враг — привести всех в состояние отчаяния и безысходности, в то состояние, в котором он сам пребывает и которое должно привести к особого рода человекоубийству. Мы знаем про ГУЛАГи, мы знаем про тот геноцид, который совершается сегодня по отношению к русскому и сербскому народу врагами Православия извне. И вот, грядет самый ужасный, последний геноцид, порождаемый отчаянием, — это самоубийство. Когда будет рождаться поколение самоубийц, и когда это станет — уже становится порою — массовым явлением. По крайней мере, к этому будет враг подвигать все больше и больше тех, кто видит, что жизнь бессмысленна и не понимает, чем она отличается от смерти.

До тех пор, пока не будем мы укоренены в истине, мы не можем надеяться ни на что, мы будем обречены на поражение. Наша война —

война против отца лжи, который всю власть в этом мире имеет только тогда, когда нет у нас истины.

И вот, Крест Христов открывает нам, что есть высота истины. Есть на земле самая великая высота истины — Крест Христов. Крест Христов — в центре Христова учения. Распятие претерпев, Христос открыл роду человеческому жизнь вечную. Его крестная смерть открывает истину глубины Божией любви по отношению к нам: из того мы узнаём, что Бог любит нас, что Он жизнь Свою полагает за нас. «Нет большей любви, чем та, когда кто душу свою положит за друзей своих».

И для мира этого, который всегда был во зле и во лжи (а сегодня эта ложь и это зло достигает последних пределов), проповедь Христова была всегда труднее всего, и учение о кресте было безумием. Но Господь, обращаясь к ученикам Своим, к мученику Евгению, ко всем нам, говорит:

«Если мир вас ненавидит, то знайте, что он прежде Меня возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое. Но оттого что Я избрал вас от мира, сего ради ненавидит вас мир».

В этом мире, который любит себя и свое, и который ни за что не хочет отречься от себя, мученичество есть высший акт отречения от мира; и мученичество есть самая высшая духовность. Это выше всякого подвига, и во всех наших церковных песнопениях мы прославляем прежде всего мучеников. Преподобные и все святые подвигом мученичества измеряют свой собственный подвиг.

Мы удивляемся, как Господь мог явить такое чудо в наши дни. Воин Евгений родился в обычной семье. Он же не монах был, не священник — простой юноша, который прошел обычное воспитание в школе, и в семье вера не была естественной атмосферой. Он пошел в армию, как все, как будто, не выделяясь ничем особенным среди других тысяч и тысяч наших русских юношей и, кажется, невозможно было ждать от него такого удивительного подвига.

Господь показывает это чудо и для нас, маловерных, все более теряющих надежду на возрождение России и, как будто, не без основания говорящих о гибели целого поколения. Мы не можем понять как это чудо произошло, как мог он взойти сразу на такую высоту святости. Но ясно одно: Сам Господь сегодня предлагает как путеводную звезду этот образ верности для нашей православной

молодежи в эти дни безверия и уныния. Вот каким святым должны молиться наши матери о своих погибающих детях.

Спасение возможно только Крестом Христовым, не только данным нам (при крещении и в испытаниях), но и принятым. Мы призываемся его подвигом верности Кресту постигнуть тайну Креста Христова, о котором Господь говорил, что ради этого Креста Он пришел в мир: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься, и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12, 49–50). Он говорит это о крестной любви, которая явлена на Кресте, и которую Он спешит дать роду человеческому, Церкви Своей, чтобы она приняла этот Крест. И пока не примет человечество этот Крест, оно не достигает святости. Это высшая святость.

Матерь Божия стояла у Креста Христова с возлюбленным учеником Господа. И тот, кто исповедует Крест жизнью и смертью своею, там с Ними стоит. Многие пророки желали увидеть эту славу Господню и не видели, потому что она открывается только в тайне Креста. И все мученики, древние и новые, Царственные мученики, и все святые приобщились этой славе.

Мы сейчас узнаем много о наших новых мучениках и исповедниках Российских. Вот рассказ одного свидетеля страшного события, который знойным летом в тридцатых годах в Сибири увидел шестьдесят человек, истощенных, измученных голодом и тяжкими трудами. Это были священники. Среди лета их заставили тащить на себе сани, нагруженные человеческими экскрементами. Так попирали этих святых священников, как Самого Христа, Который был предан поруганию и заплеванию этим миром, желающим утвердить себя за счет попрания Истины и показать свои ценности.

Потом им приказали вырыть огромную яму, и стали спрашивать по одному: «Так ты говоришь, есть Бог?» — «Есть», — отвечал он. Раздавался выстрел, он падал в могилу. Потом очередь доходила до следующего. «Есть Бог?» — «Есть», — и снова раздавался выстрел. И так все шестьдесят священников приняли страдание свое за Христа.

Такое страдание приняли все, кто достиг святости. Через страдание достигается самая высшая высота, все высшие заповеди блаженства, все самые драгоценные качества, первейшее из них — смирение, упование уже не на себя и не на людей, а только на Бога;

узнавание, что сила Божия совершается в человеческой немощи, в обретении Христова терпения; в научении такому состраданию, когда человек способен страдания другого человека и целого народа воспринимать как свои собственные страдания.

В этом ряду святых новых мучеников и стоит мученик Евгений. Мы знаем, что это были долгие, страшные страдания, которые можно сравнить, наверное, только со страданиями великомучеников, бывшими в самые древние времена, когда их расчленяли, обезглавливали, подвергали самым изощренным пыткам, но они свидетельствовали перед миром, что и душа, и тело причастны Кресту Христову, победе Божией, Воскресению Его.

Дай Господь нам, каждому из нас, когда спросят нас, есть ли Бог, если это будет перед вырытой для нас могилой, сподобиться этой милости засвидетельствовать истину, которой жив мир. А если Господь не сподобит нас этой милости, потому что немногие сподобляются ее, то в последние времена всеобщей апостасии не предать Бога — засвидетельствовать, что есть Бог — во всех испытаниях нашей жизни, какие бы они ни были.

И еще я хотел сказать несколько слов. Недавно в Сретенском монастыре совершалась канонизация священномученика Илариона, епископа Верейского. Господь показал, что такое святой, когда он прославлен Самим Богом. Кто был хоть однажды на прославлении святого, тот знает, как это совершается. В момент Божественной Литургии, когда поют «Со святыми упокой», а потом — «Во блаженном успении вечный покой», произносятся те слова которые мы слышим каждый день, поминая усопших, и которые вся Церковь поет теперь торжественно, уже как победную песнь. И мы вдруг являемся свидетелями, прежде, чем объявят о прославлении этого человека, что он святой. «Со святыми упокой» — и благодать святости, благодать победы Христовой наполняет Церковь. Это значит, что Церковь домолилась до Бога, и Бог свидетельствует, что молитвы ее приняты, что со святыми упокоевается этот человек, и что ему вечная память, память, которая у Бога, которая всегда. И только после этого объявляется с амвона указ о причислении к лику святых этого прославленного Богом святого, и мы поем ему величание.

Хотя мы все знаем, что подвиг мученичества — это уже святость, по всем правилам Церкви апостольским и святоотеческим, мученик за

Христа — это слава Церкви, святой вместе со Христом, тем не менее, мы молились сейчас заупокойной службою. Но это совершается в несомненной надежде, что молитва, «со святыми упокой» и «вечная память», исполнится его скорым прославлением. Аминь.

На 4-й странице обложки помещена фотография нательного креста воина Евгения. В настоящее время этот крест находится в храме святителя Николая, что в Пыжах.

